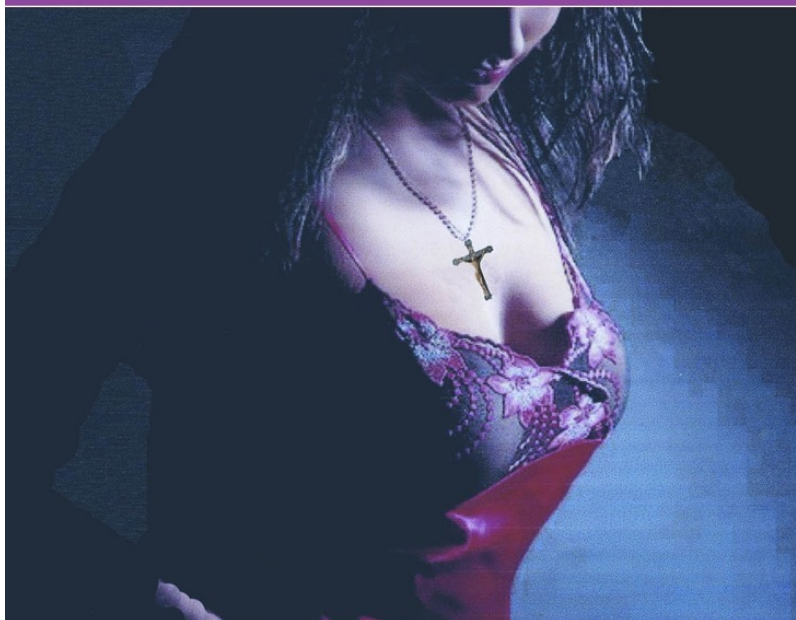

Лариса Джейкман

У каждого свой крест

Лариса Джейкман

У каждого свой крест

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34712729

ISBN 9785449301819

Аннотация

В этой книге я рассказываю весьма необычную историю из жизни двух семей, русской и английской. Обе благополучные, в каждой свои радости и свои горести. Но их судьбы переплелись волею случая. Только вместо того чтобы стать счастливыми, как и должно бы быть, обе семьи становятся глубоко и трагично несчастными. А кто виноват в этом несчастье – положительные или отрицательные герои этой драмы – решать вам, дорогие читатели.

Содержание

Часть первая. Беседины	5
1	5
2	13
3	23
4	34
5	50
6	65
Часть вторая. Стивенсы	77
1	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

У каждого свой крест

Лариса Джейкман

Иллюстратор Neil Jakeman

© Лариса Джейкман, 2018

© Neil Jakeman, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-0181-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Беседины

1

Элла Григорьевна Беседина была счастливой женщиной. Ну еще бы: собой недурна, хорошо образована, состояла в браке с любящим ее мужем, который к тому же занимал солидное положение в области. Именно поэтому Виктор Леонидович предоставил своей жене такую обеспеченную жизнь, о которой могла мечтать каждая женщина.

Элла Григорьевна работала заведующей библиотекой при Облисполкоме, ее рабочий день длился с десяти утра до трех дня, после чего она посещала магазины, салоны, парикмахерские, ателье и тому подобные заведения, неограниченно пользуясь при этом персональной машиной мужа, который предоставлял ей ее в полное распоряжение с трех до семи вечера.

После этого Элла Григорьевна возвращалась домой и готовила ужин, поджидая мужа, который, правда, частенько задерживался по долгу службы. Есть в одиночестве Элла не любила, поэтому она либо смотрела телевизор, либо болтала с подружками по телефону, пока Виктор Леонидович не возвращался с работы. Если он задерживался, то никогда не приходил домой с пустыми руками: цветы, или короб-

ка шоколадных конфет, или духи, или бутылка шампанского были оправдательным аргументом, и Элла переставала дуть губки, принимая очередной подарок из рук мужа.

Виктор Леонидович был старше жены почти на восемнадцать лет и взял ее в жены совсем молоденькой, когда Элле исполнилось двадцать два года. До этого он был женат на своей однокурснице Елене Сабуровой, с которой они встречались все пять лет института. Прожив вместе пятнадцать лет, они развелись, так как у них не было детей. Елена страшно мечтала о ребенке и неоднократно просила мужа пройти соответствующее медицинское обследование, которое неоднократно прошла она сама. Врачи уверяли молодую женщину, что с ней все в порядке, но Виктор Леонидович от обследования категорически отказывался и говорил:

– Ну что ж, раз нет детей – значит не судьба, значит так тому и быть.

Но Елена с его доводами не соглашалась и в конце концов настояла на разводе. Виктор Леонидович искренне жалел о том, что распалась благополучная с его точки зрения семья, но удерживать Елену не стал, он видел, каково было ее желание иметь ребенка. После развода Елена тут же уехала из города, и больше о ее судьбе он ничего не знал.

Позднее на горизонте появилась Элла. Она работала в библиотеке, куда Виктор Леонидович частенько заходил и в обеденный перерыв, и иногда после работы. Там ему было отведено персональное место, где было удобно писать

доклады, речи для публичных выступлений или статьи в газеты. Элла всегда была приветлива, улыбалась при встрече и любила говорить с ним о новых книгах и журналах, поступающих в их фонд, но никогда не кокетничала и не пыталась флиртовать. Она держала дистанцию, необходимую в их взаимоотношениях. Виктор Леонидович уважал ее за это.

Он понимал, что с точки зрения любой незамужней женщины он представлял прекрасную партию для брака. Солидное положение, внушительная внешность и холостой образ жизни делали его идеальной фигурой в этом смысле. Он уже неоднократно замечал повышенное внимание к себе со стороны окружавших его незамужних дам, но со своей стороны он не давал им ни малейшего повода или шанса, чтобы хоть на йоту приблизиться к нему с отношениями иными, чем служебные.

И все же одиночество тяготило его. Он к нему не привык. Елена снилась ему по ночам, а позднее вдруг стала сниться Эллочка. Странное чувство овладевало им после этих снов. Он даже сам не заметил, как стал думать о девушке, оставаясь один в квартире после напряженного трудового дня и пытаясь чуть-чуть расслабиться.

– Черте что, – упрекал себя Виктор Леонидович, – этого мне только не хватало. Девчонка ведь совсем, в дочери годится. Надо выкинуть эту блажь из головы.

Но это не помогало. Мысли настойчиво возвращались к Элле. Она была девушкой очень миловидной. Красавицей

ее не назовешь, но и мимо пройти трудно. Она обращала на себя внимание прежде всего изящной фигурой и легкой пружинистой походкой. Всегда в строгом костюме с неизменной белоснежной блузкой, на каблучках она выглядела очень элегантно. Волосы у Эллы пушистые и кудрявые. Иногда она собирала их в пучок на затылке, но зачастую оставляла распущенными, и они золотисто-каштановыми волнами ниспадали ей на плечи. Выражение лица у девушки всегда было слегка удивленным, серо-зеленые глаза смотрели на собеседника немного изучающе, а на остреньком, но милостивом носике были едва заметны совсем детские и очень трогательные веснушки.

В первый раз они очутились вместе, когда Виктор Леонидович подвез ее на служебной машине домой. В этот вечер лил проливной дождь, и Элла стояла на остановке вся промокшая под маленьким розовым зонтиком, тщетно ожидая автобуса. Виктор Леонидович, проезжая мимо, увидел ее и попросил шофера остановиться. Элла тут же согласилась, чтобы ее подвезли и без тени смущения села в машину, предварительно тщательно стряхнув снаружи свой зонт.

– Ну и погода сегодня! Это ж надо, такой дождина. Хотя я люблю дождь, а вы, Виктор Леонидович? – спросила Элла, удобно устроившись на заднем сидении.

Он немного растерялся. Ему, солидному и высокому начальнику, не следовало бы болтать о пустяках с библиотекаршей Эллой в присутствии своего шофера, с которым он

никогда не вступал в панибратские отношения. Поэтому он ответил как можно солиднее:

– Нет, Элла Григорьевна, я дождь не люблю, особенно такой сильный, как этот. Я предпочитаю сухую солнечную погоду.

Элла, уловив его официальный сдержанный тон, поняла, что разговаривать вот так запросто с Виктором Леонидовичем ей не следует, и всю оставшуюся дорогу она молчала, отвечая только на вопросы шофера, где ее лучше всего посадить.

После этой встречи отношения между ними слегка изменились. Элла все так же улыбалась при виде его, но при этом молчала и ждала, когда он спросит ее о чем-нибудь, никогда не заговаривала первой. Виктор Леонидович тоже был строг и официален, но потом очень жалел об этом. Но он боялся переступить черту, в глубине души он понимал, что такие вот прохладные отношения лучше, они ни к чему не обязывают и оставляют всех на своих местах. Но с другой стороны он жалел о том, что Элла совсем отдалилась от него. Это было единственное существо, от которого к нему шло осязаемое человеческое тепло, сейчас этого тепла он не чувствовал и зачастую даже страдал.

На серьезный шаг в своей одинокой жизни Виктор Леонидович решился неожиданно и смело, да так, как даже сам от себя не ожидал. Летом Элла взяла отпуск и уехала в Подмоскowie к родителям. Он знал об этом из ее разговора с кол-

легой, который он случайно подслушал, находясь в читальном зале. Спустя неделю после ее отъезда, он тоже взял отпуск и выкупил в профсоюзе туристическую путевку на теплоход до Москвы. Роскошный четырехпалубный корабль, каюта класса «Люкс» с балконом и знакомый капитан – все располагало к приятному отдыху, но он уже знал, что за три дня, которые они будут стоять в Москве, он разыщет Эллу и сделает ей предложение.

* * *

Элла загорала на высоком песчаном мысу у реки и читала какой-то запутанный детектив. Она обожала это место отдыха, уединенное и такое красивое, что порой захватывало дух. Еще совсем юной девушкой она прибегала сюда, чтобы полюбоваться на чудесный речной простор. Она спускалась вниз, к самой реке и представляла, что она – Ассоль, ей казалось, что ее бриг с алыми парусами счастья приплывет именно сюда, и тогда все сразу же изменится в ее жизни, так как в ней появится он, принц, который нежно шепнет ей: «Я люблю тебя...».

Вот и сейчас она была здесь, пребывая в состоянии полного блаженства, но сердце ее забилось немного тревожно, когда на берег стремглав прибежал соседский мальчик и сказал, что ее просят идти домой.

– К тебе там приехали, какой-то дяденька. Просили тебя найти. Они с твоими родителями чай пьют, а меня за тобой

послали.

Элла неохотно поднялась, натянула шорты и направилась к дому, недоумевая, кто бы это мог быть. Хотя в душе у нее слегка рождалась, но тут же отмирала лихорадящая душу догадка.

Войдя в большой и прохладный дом, Элла увидела Виктора. Он сидел за столом в белых полотняных брюках и голубой футболке, на фоне которой глаза его казались совершенно синими и бездонными.

– Здравствуйте, Виктор Леонидович. Что-нибудь случилось? – спросила девушка, слегка заикаясь и косясь на родителей.

– Нет, ничего не случилось. Я проездом, то есть, не совсем. Я приехал в Москву и вот, решил навестить вас. Здравствуйте, Элла.

Родители Эллы решили не мешать их разговору, они уже поняли, что приезжий гость лицо солидное, официальное. Они поспешили оставить их одних и вышли во двор, усевшись в беседке, густо заросшей диким виноградом. Отец Эллы, Григорий Павлович Острожин, был человеком военным и в настоящее время в чине полковника работал в местном военкомате начальником политотдела. Его жена, Софья Яковлевна, будучи женой военного, никогда не работала. Им пришлось много поездить по стране, пока наконец они не осели в Подмоскovie, откуда Софья была родом. К тому времени Элла закончила школу и поступила на библио-

течный факультет Московского института культуры, после окончания которого отцу удалось помочь дочери с распределением. Его друг, генерал Вахрушин, нашел для Эллы место в библиотеке Облисполкома, где она сейчас и работала. Для этого, правда, ей пришлось покинуть родительский дом, но она надеялась, что рано или поздно вернется в Москву и будет жить поблизости от родителей.

Виктор Леонидович остался с Эллой наедине. Он понимал, что настала та минута, решающая в его жизни, когда он должен сказать очень важные слова, от которых зависит его дальнейшая жизнь. Он собрался с силами и произнес:

– Элла, вы меня простите. Я знаю, что это все выглядит несолидно, и я бы даже сказал, глупо. Но я приехал за вами. Люблю я вас, наверное. Выходите за меня замуж. У меня есть все, чтобы сделать вас счастливой, и если вы хоть чуть-чуть ко мне равнодушны, не отказывайтесь. Я мужчина серьезный, и такая девушка как вы... – Виктор Леонидович помедлил, – такая девушка, как вы мне и нужна.

– Какая, Виктор Леонидович? – Элла смотрела на Виктора веселыми и счастливыми глазами, и он понял, что она почти согласна.

А Элла в эту минуту радостно подумала о том, что детская мечта ее не обманула.

Свадьбу Беседины сыграли в декабре, под самый новый год. До этого они открыто встречались, и никто их не осуждал. Все как-то сразу поняли, что у них это серьезно, и никто не брался осуждать влюбленных, скорее всего из-за положения Виктора Леонидовича, который пользовался уважением в городе, так как никогда и ничем себя не скомпрометировал, ни на службе, ни в личной жизни. Свадьба была скромной, но достаточно заметной, так как о ней написали в местной прессе, через которую Виктора Леонидовича поздравили с радостным событием все, кому это полагалось.

Работники аппарата немного посудачили только тогда, когда Элли Григорьевну, теперь уже Беседину, вдруг неожиданно назначили заведующей библиотекой вместо ушедшей на пенсию Варвары Венедиктовны, которая проработала в этой должности более двадцати пяти лет. Пересуды шли из-за того, что этого места давно уже поджидала Анна Борисовна, архивариус. С ней велись переговоры в отделе кадров примерно за год до пенсии Варвары Венедиктовны, и считалось, что вопрос решен. И вдруг такое неожиданное решение не в ее пользу. Анна Борисовна расстроилась до слез, и это послужило поводом для кулуарных разговоров. Элла об этих разговорах и пересудах знала и пожаловалась мужу. Он немного поморщился, видимо от незначительности про-

блемы, которая так растревожила его жену, и сказал поучительно:

– Не обращай внимания, дорогая. Это всего лишь бабские сплетни. Будь выше этого. Ты теперь личность известная и заметная и должна научиться пользоваться своим положением.

Молодая семья Бесединых жила душа в душу. Виктор Леонидович явно баловал свою новоиспеченную супругу, позволяя ей делать все, что только та пожелает. Ей было доступно многое: закрытые магазины и базы, где она любила отовариваться, поездки к морю, дорогие шубы и кольца, ложи в театре, парикмахер, приходящая к ней на дом и массажный салон, единственный в их городе и открытый только для городской элиты, вернее для их жен и дочерей. В этом салоне Эллочка любила пропадать часами. Обычно по субботам с утра ее отвозила туда служебная машина и привозила обратно уже ближе к вечеру, свежую, утомленную, с маникюром и педикюром и неимоверно довольную.

Виктор Леонидович был рад и за жену, и за себя, так как выполнил свое обещание сделать Эллочку счастливой, он видел, что ему это удалось. Он и не заметил, как спустя пару лет, его молодая жена резко изменилась. И дело даже не во внешности. Это само собой, что Элла Григорьевна стала очень утонченной, ухоженной до кончиков ногтей элегантной дамой, так как это вполне соответствовало ее солидному положению. Но он не заметил, как изменился характер

его возлюбленной. Зато это заметили окружающие.

Взгляд Элочки из восторженно-приветливого превратился в надменно-холодный и смягчался только тогда, когда ей приходилось общаться с важными по чину и по положению людьми, со своими же подчиненными она не находила больше общего языка. Прежних подруг она растеряла, попросту перестав с ними общаться. Но зато самой близкой ее приятельницей стала теперь Мария Соболевская, дочь председателя Облисполкома, которая работала диктором на городском телевидении и мечтала пробиться в Останкино.

Внешность у Марии была, как у голливудской кинозвезды, огромные глаза, длиннющие ресницы, белоснежные, сверкающие в улыбке зубы и густые пепельно-русые волосы. Ростом она была почти метр восемьдесят, но фигуру имела пропорциональную, с красивыми ногами и высокой грудью.

Мария имела кучу поклонников, что немного настораживало Виктора Леонидовича, но он знал, что подруги общаются только по выходным, вечерами вдвоем никуда не ходят, так как Мария зачастую занята на телевидении.

Первые пять лет совместной жизни Виктора и Эллы прошли совершенно благополучно и не омрачались никакими переживаниями. Все устраивало Бесединых в их жизни, по крайней мере до тех пор, пока Элла не осталась одна, без подруги. Марии все же удалось пробиться на четвертый канал Центрального телевидения, куда она выдержала конкурс с пятого захода. До этого ей не везло. Мария Соболевская

наконец переехала в Москву, и Элла поначалу часто навещала ее в столице. Но в скором времени Мария вышла замуж за режиссера с Мосфильма и родила девочку, которую в честь своей лучшей подруги назвала Эллой.

Поездки в Москву стали уже не такими увлекательными, но зато, любуясь на молодую маму, Эллочка вдруг нестерпимо захотела малыша. После очередной своей поездки к Марии она так и заявила мужу:

– Виктор, нам нужен ребенок. Я хочу родить. Что нужно сделать для того, чтобы я забеременела? Может быть мне стоит пройти какой-нибудь специальный курс? Почему у нас ничего не получается? Пять лет уже живем!

Для Виктора Леонидовича наступил очередной момент истины, ему пришлось серьезно поговорить с женой и объяснить ей, что в первом браке у него тоже не было детей, и что скорее всего, причина в нем самом.

– Хочешь, я пройду обследование? Может быть, все не так серьезно и какая-нибудь незначительная операция поможет мне? – спрашивал он потрясенную до глубины души Эллу.

– Конечно, надо обследоваться. Давно надо было уже. Чего ты тянул-то с этим? И молчал в добавок ко всему! Ты что же думал, что я так никогда и не захочу ребенка? Я что, по-твоему, неполноценная женщина?

Элла почти рыдала. Она воспринимала свое желание стать матерью как очередной каприз, и никто был не вправе отказаться выполнить его. И если до этого момента любые ее ка-

призы выполнялись с полуслова, то тут она поняла, что все намного серьезнее, и ее всемогущий муж не в состоянии выполнить ее самое сокровенное в жизни желание.

Обследование, увы, никаких утешительных результатов не принесло. Виктор Леонидович был стерилен, как выразились врачи, и счастья отцовства ему не дано испытать. Эллочка была в отчаянии. Нет, она не собиралась бросать мужа, как его предыдущая жена. Она не хотела рубить сук, на котором сама так хорошо, уютно и вольготно сидела. Она хотела остаться в том положении, в котором пребывала все эти годы, быть почитаемой, популярной и к тому же горячо любимой мужчиной, к которому и сама не была равнодушна, чего уж там греха таить.

Супруги задумались о будущем. Виктор Леонидович с невероятной остротой ощутил горечь возможной потери Элочки. Он не хотел ее терять, она была в его жизни такой важной составляющей, что без нее, казалось, он и дня не проживет.

Эллочка в свою очередь не хотела показывать мужу своих истинных чувств и опасений. К тому же, она была на него в глубокой обиде за то, что женившись на ней, он скрыл такой серьезный факт, как невозможность иметь детей. Она чувствовала себя ущемленной, особенно на фоне благополучной и счастливой Марии Собольской, ей не хотелось ни в чем отставать от подруги, поэтому она нервничала, сердилась на мужа и просила найти выход из положения.

– Элла, любимая! Что я могу сделать, скажи! Я исполню все, что ты пожелаешь. Одного я не смогу допустить, это потерять тебя.

– Я хочу ребенка! Остальное для меня неважно. Вот как хочешь, так и действуй, дорогой. Ты должен был знать о том, что рано или поздно этот разговор произойдет между нами, но ты не предпринял ничего, чтобы оградить меня от этого удара. Ты тянул, а теперь хочешь, чтобы я тебе сочувствовала?! Я бы сочувствовала, если бы ты не знал о своих проблемах раньше, но ты знал о них. И скрывал от меня! Это непростительно, это обидно и ... – Элла не договорила, снова зарыдав, уткнувшись в подушку лицом.

Виктор Леонидович был в отчаянии. На следующий день после этой душераздирающей сцены он назначил встречу с со своим давним другом Эльдаром Мустафиным, работающим психотерапевтом в спецполиклинике. Так уж получилось, что все его школьные закадычные друзья пошли в мединститут и сейчас отличные врачи, а Виктор Беседин избрал для себя другой путь, крови он боялся с детства.

На прием к Эльдару Виктор не пошел, а решил встретиться, так сказать, в неофициальной обстановке. Он заказал на вечер финскую баню, и они с товарищем там приятно отдохнули, напарившись, накупавшись в ледяной воде, поиграв в бильярд, а заодно и побеседовав на животрепещущую для Виктора Леонидовича тему. Он рассказал Эльдару о своих семейных проблемах и попросил помочь советом.

– У тебя выход один, Виктор. Женщины существа капризные, упертые. Уж если твоей жене взбрела в голову идея иметь детей, она от этой идеи не отступится. Надо идти на компромисс. А выход один – усыновить или удочерить ребенка. Это уж как вам захочется. Тебе надо убедить ее, что это выход единственный, и тогда она согласится.

– А если нет, что тогда? Если она меня с этой идеей пошлет куда подальше? Ты уж скажи, как я должен ей это предложить, в каких словах и выражениях. Это ведь важно, ты-то знаешь наверняка, как это делается, психолог.

– Да, но я не знаю твою жену, вернее, ее характер. Ты должен нажать на самые уязвимые клавиши ее души, дернуть за самые чувствительные струны. Тогда она поймет, что ты прав и хочешь ей добра.

После беседы с Эльдаром Виктор Леонидович вернулся домой в приподнятом настроении, хотя и немного волнуясь. Он преподнес жене букет алых роз и скромную невзрачную коробочку, в которой скромно притаился флакончик дорожных французских духов Шанель №19. Элла имела Шанель №5, но не раз намекала мужу на то, что №19 – это то, что есть только у изысканных женщин, тогда как №5 более доступен, и им пользуются уже все, кому не лень.

Элла приняла подарки нехотя и лениво. Розы она поставила в вазу, не потрудившись налить в нее воды, а духи убрала в секретер, даже не открыв. Она разыгрывала роль оскорбленной невинности, дулась на поздно явившегося му-

жа и на вчерашнюю кошмарную ссору, которая так вывела ее из равновесия, что несчастная Элла даже на работу сегодня не пошла, сославшись на нездоровье.

Муж обнял жену и неловко поцеловал куда-то в шею. Она надула губки и ушла в спальню. Не раздеваясь, она легла было на кровать, но Виктор нежно взял ее за руку, приподнял и усадил рядом с собой. Она не сопротивлась, только села как-то боком, на самый краешек, как будто готова была сбегать в любую секунду.

– Эллочка, девочка моя. Я так счастлив, что ты хочешь стать матерью. Это так возвышает тебя, как женщину. Ты и так прекрасна, но в этом своем стремлении ты мне еще во сто крат дороже. Я люблю тебя, сокровище ты мое. И мне кажется, я нашел выход.

Элла встрепелась. Она вскинула голову и заинтересованно посмотрела на Виктора. В ее взгляде он прочел столько ожидания и тревоги, что не мог больше тянуть. Он знал, что она ждет от него самого главного и, забыв про все советы своего приятеля, решил сказать все, как есть, не вуалируя и не намеками, а напрямую.

– Элла, я разговаривал сегодня с врачом, он мой хороший друг. Он нашел единственный выход из создавшейся ситуации: усыновление. Мы можем взять новорожденного ребеночка, у которого нет родителей и воспитывать его, как своего, – Виктор закончил монолог и немного втянул голову в плечи, так как он не знал, какой реакции ему стоит ждать

от жены.

Но неожиданно для него реакция последовала самая что ни на есть наилучшая. Элла вдруг радостно кинулась мужу на шею и стала его душить в объятиях. Она быстро-быстро говорила ему что-то, из чего он с трудом понял, что она уже думала об этом, но боялась ему сказать, так как была уверена, что он не согласится, и они опять поскандальят. Она хвалила его за благоразумие, целовала его и наконец, чуть-чуть успокоившись, добавила:

– И мне мучиться не надо, ходить девять месяцев с этим ужасным животом, потом рожать в страшных муках. Да еще не известно, чем все закончится. Мало ли несчастных родов. Нет, готовый ребеночек – это лучше. Только мы должны обязательно знать, кто его родители. Ну я имею в виду, какая у него наследственность. А ты кого хочешь, мальчика или девочку? И еще нам няня нужна, я одна с малюткой не справлюсь!

Элла говорила без остановок. Она была так возбуждена, как будто Виктор Леонидович пообещал купить ей новое манто, или собачку, или свозить ее в Париж. Ему вдруг показалось, что его жена не до конца осознает, какая это огромная ответственность – взять себе ребенка и стать ему отцом и матерью.

Она забавлялась, как дитя, и это немного пугало и настораживало. Но он не захотел высказывать свои мысли вслух, чтобы не портить Эллочке настроение. Муж знал, что это

всегда плохо кончается, поэтому оставил свои сомнения при себе, а любимую жену наградил долгим страстным поцелуем, за которым последовала нескончаемая ночь, полная любовных утех, в которых Эллочка была попросту неповторима.

О проблемах Виктора Леонидовича в городе не знали. И тем не менее они с женой решили не делать из этого большого секрета.

– Это глупо, притворяться беременной, уезжать куда-то на полгода, потом возвращаться с новорожденным. Нет, я не хочу. Давай все сделаем открыто и без всяких выкрутасов, – заявила Элла, и муж согласился с ней.

В Центральном роддоме их встретили приветливо и сразу же пригласили в кабинет главврача. Это был седой, солидного возраста мужчина в белоснежном накрахмаленном халате, который усадил важных гостей на удобный кожаный диван и начал беседу издалека. Сначала поговорили о самочувствии, затем перешли к настроению, погоде, а затем уж к важной теме разговора – к усыновлению новорожденного малыша, который по той или иной причине останется без родителей.

– Конечно, нам хотелось бы знать, кем они у него были. Ну в смысле происхождения и их образа жизни. Ребенка алкоголиков мы, конечно, не решимся взять. Могут быть трудности со здоровьем и воспитанием, правда ведь? – спросила Элла Григорьевна как можно мягче и сострадательней.

Главврач внимательно посмотрел на нее и обратился к Виктору Леонидовичу:

— А вы как считаете? К тому же, есть ли у вас предпочтения, хотите мальчика или девочку?

— Нет, предпочтений у нас с женой нет, а что касается родителей малыша, то это важно. Я думаю, моя жена права.

— Хорошо, я вас понял, — главврач говорил спокойно и уверенно, и супруги прониклись к нему доверием.

Им объяснили, что придется ждать подходящего случая, что в настоящее время новорожденных, оставшихся без родителей малюток у них нет, но если случится оказия, им непременно позвонят.

Оказия случилась лишь спустя шесть месяцев. В дорожно-транспортное происшествие попала автомашина, в которой ехали муж с женой, молодая пара, которая ожидала своего первенца. Оба были вполне благополучными молодыми людьми. У молодой женщины родителей не было, а у мужчины был только отец, пенсионер, в прошлом ректор института.

Молодой мужчина погиб сразу же, а женщину доставили в роддом, она была на восьмом месяце беременности. Врачи, как могли, боролись за ее жизнь, но спасти удалось только ребенка, мальчика, который родился, унеся жизнь своей тяжело раненой матери. Фактически, несчастная женщина скончалась во время искусственных родов от тяжелой травмы головы, но ребенок чудом остался жив. Удивительно жизнеспособный, здоровый мальчик, судьба которого сразу же была предопределена. Его решено было отдать в семью Бе-

сединых.

Элла надолго запомнит тот день, когда она узнала о своем потенциальном сыне. Ей сообщил Виктор, ворвавшись в библиотеку, как на крыльях. Ему только что позвонил знакомый уже главврач и сказал, что в Центральном роддоме родился мальчик, который может стать их сыном, если они захотят.

Беседины тут же бросили все дела и отправились в больницу. Узнав подробности происхождения малыша на свет, они очень огорчились, и Элла даже всплакнула. Решение об усыновлении младенца было принято сразу, хотя они его еще и не видели. Целую неделю родители томились в ожидании встречи с сыном. Наконец им разрешили взглянуть на него. Малыш безмятежно спал, когда Элла с Виктором пришли в палату, торжественные и взволнованные, в белых халатах и в масках. Глаза Эллы снова заволокло слезами, и Виктор понимающе прижал ее к себе.

– Все будет хорошо, моя любимая. Посмотри, какой у нас сын. Ты счастлива?

Элла, покачав головой в знак согласия, шепнула: «Очень» и вытерла набежавшие слезы.

Когда новорожденный немного окреп, Элле Григорьевне предложили лечь в больницу и поухаживать за малышом, привыкнуть к нему немного и поучиться быть мамой своего новоиспеченного сынишки. А учиться пришлось многому: и как кормить, и как пеленать, и как купать. Элла делала все

с удовольствием, а ее муж в это время заканчивал оформление необходимых документов об усыновлении, что требовало соблюдения всевозможных формальностей, которых было не так уж мало.

Элла пробыла с малышом в больнице больше двух недель, и когда их выписали, мальчику было уже почти четыре месяца. Выглядел он абсолютно здоровым, счастливым, и супруги наконец ощутили себя родителями. Они с благодарностью в душе приняли этот подарок судьбы. Сына называли Павликом и решили, что теперь у них полноценная, семейная жизнь.

За время пребывания Элочки в больнице, Виктор Леонидович ускоренными темпами провел в квартире косметический ремонт и тщательно подготовил детскую комнату, оснастив ее всем необходимым. Великолепный финский гарнитур для спальни малыша был приобретен специально и как нельзя лучше вписался в интерьер светлой, уютной комнаты, оклеенной голубыми обоями в облачках, солнышках и птичках. Здесь же в спальне малыша находилась и кровать для няни, которую еще предстояло найти.

Первый месяц Элла управлялась с сыном сама, но потом заявила, что пора искать няню. Забот становится все больше и больше, и еду надо готовить тщательно, и стирать, и гладить. Ей нужна помощница.

Тут молодая мать вспомнила, что у ее прежней приятельницы мама только что вышла на пенсию. Приятельница зво-

нила ей и жаловалась на то, что мама остается совсем одна. Они с мужем собираются переезжать в Прибалтику, так как муж у нее эстонец, и ему неожиданно подвернулась там хорошая работа. А мама в Эстонию не хочет, и это выливается в большую проблему.

Мама приятельницы всю жизнь проработала школьным врачом, так что кандидатура как раз подходящая. О своей маме Элла, правда, тоже подумала, но она прекрасно понимала, что одна мама не приедет, а с отцом вдвоем их не разместить. Слишком много народу в доме – не очень удобная вещь. Пусть уж лучше чужой человек, которого всегда можно отправить к себе, если что не так, к тому же не будет ни нотаций, ни нравоучений.

Посоветовавшись с мужем, Элла позвонила Галине Федоровне, одинокой пенсионерке. Та ответила приветливо, и, казалось, очень обрадовалась звонку. Элла вкратце обрисовала ей суть дела, и женщина обещала зайти к ним в ближайший выходной. Оказывается, ее дочь, приятельница Эллы, уже уехала с мужем в Эстонию, и Галина Федоровна очень скучала, оставшись в этом городе совсем одна.

Няня пришлась по душе Элле и Виктору. Приятная женщина, она выглядела очень опрятно и имела хорошие манеры в разговоре, во время еды и к тому же сразу же с душой отнеслась к маленькому полугодовалому Павлику. Она взяла его на руки и удобно приложила к себе, поддерживая головку. Элла заметила бережное прикосновение Галины Фе-

доровны к ребенку и осталась довольна. Теперь у нее опять было много свободного времени, так как Галина Федоровна буквально не покидала их дом, ухаживая за мальчиком, а заодно и за его родителями.

Она делала по дому все, готовила, убирала, стирала и гладила. И как-то успевала все это к великому удивлению нерадивой Эллы.

***

Когда Павлику исполнилось девять месяцев, Эллочка собиралась на работу. Но перед этим ей захотелось непременно съездить в Москву.

– Я так давно не видела Машу. Надо же мне похвастаться перед ней тем, что я тоже мама. У нас теперь еще больше общего, не можем же мы все обсуждать по телефону, надо и опытом обменяться, и посоветоваться друг с другом. К тому же сейчас ее муж на съемках, и Маша одна. Я поеду!

Виктор Леонидович не перечил. За ребенка он был спокоен. Галина Федоровна справлялась со своими обязанностями как нельзя лучше, к тому же она тоже была не против Эллочкиного отъезда, не возражала остаться с малышом одна. Поэтому Элла ясным майским утром улетела в Москву, недельки на две, как она сама запланировала. Виктор Леонидович проводил ее в аэропорт и сказал, что будет очень скучать.

Он звонил жене почти каждый день, и ему было приятно

слышать ее радостный голос. Но в этот вечер случилась беда. Виктор Леонидович пришел с работы, вкусно поел, и пока Галина Федоровна прибиралась на кухне, он забавлялся с сынишкой. Малыш радостно ползал, играл разбросанными по полу игрушками, хохотал и доставлял отцу массу удовольствия, как вдруг резко зазвонил телефон. Виктор Леонидович почувствовал тревогу. Что-то насторожило его. Наверное то, что звонок был явно междугородний, а Элла сама ему никогда не звонила.

– Виктор Леонидович? Это Маша, здравствуйте, – услышал он взволнованный голос и не на шутку испугался. – Я вам хочу сказать, что вы должны срочно приехать в Москву. Элла в больнице.

– Что?! Как в больнице? Что случилось, боже мой? – буквально выкрикнул он, а в голове его пронеслись названия всевозможных внезапных болезней: аппендицит, воспаление легких, перелом конечностей и тому подобное.

Но Маша категорически отказалась сообщать ему, что случилось с Эллой, сославшись на то, что это не телефонный разговор.

– Вы должны приехать немедленно. Все страшное уже позади, но Элле нужна ваша помощь и поддержка.

Понятно, что после такого заявления Виктор Леонидович немедленно отправился в аэропорт, благо он еще успевал на последний рейс.

Москва встретила его неприветливо, промозглым ночным

дождем и зябким холодом, который пробирал до мозга костей. К Маше Виктор прибыл уже в третьем часу ночи, но она его ждала. На кухне мягко горела лампа дневного света, было тепло и пахло свежесваренным кофе. Виктора трясло, как в лихорадке. Он посмотрел на Машино бледное лицо и понял, что дела плохи.

Она тем не менее усадила его в удобное кресло, примостившееся в углу огромной кухни, подала кофе, бутерброды и села напротив.

– Вы только не переживайте, я не буду от вас ничего скрывать. С Эллой случилась беда.

– Что, говорите же наконец! Она жива?!

– Ее изнасиловали вчера. Изнасиловали очень грубо, но физически она не очень пострадала. Я имею в виду, что ни зашивать ее сильно не пришлось, ни... ну в общем, ничего такого. Но конечно, стресс. Она в глубокой депрессии, постоянно плачет, вас зовет. Я не могу с ней много времени проводить из-за малыша. Я сейчас одна, поэтому...

– Ладно не продолжайте. Это мне понятно. Как это случилось, Маша? Где?

– Я толком ничего не знаю, этим занимается милиция. Случилось это днем. Она пошла по магазинам, целый день ее не было, а потом вечером мне позвонили из больницы и сообщили. Элла мне ничего не рассказывала, только плакала, но с ней беседовал милиционер, 240 отделение, можете завтра туда обратиться. Полковник Журавлев, вот у меня запи-

сан его телефон.

Маша протянула Виктору Леонидовичу клочок бумаги с телефоном, и он понял, что его спокойная и счастливая жизнь на этом закончилась.

Ранним промозглым утром Виктор Леонидович уже сидел в приемной больницы и настаивал на свидании с женой. Ему отказали, объяснив, что это неприемные часы, пациентка еще спит, а когда проснется, ей будут делать процедуры, потом завтрак, потом обход врачей, а вот потом уже можно будет ее навестить.

Виктор Леонидович был в отчаянии. Ехать в двести сороковое отделение милиции ему совсем не хотелось, он понимал, что там его ничем не обрадуют, да и вообще они вряд ли кого-нибудь найдут, если вообще будут искать. Он хотел все узнать от Эллы, а потом уже решить, как действовать в зависимости от обстоятельств.

В палату к жене его пустили только после десяти утра, и он буквально ворвался туда, так как его терпение было уже на исходе. Элла лежала на высокой кровати у окна, и вид у нее был плачевный. Увидев мужа, несчастная женщина заплакала в голос, и он едва успел подхватить ее, она рванулась ему навстречу и чуть было не упала с кровати.

– Элла, девочка моя! Осторожнее, приляг, не вставай, – говорил ей тронутый до глубины души Виктор, и сердце его буквально разрывалось на части от жалости и сострадания.

Когда Элла успокоилась и немного пришла в себя, он ре-

шил вывезти ее из палаты куда-нибудь в уединенное местечко, хотя бы в холл с телевизором, который пустовал в это время дня, и поговорить. Она согласилась и не без помощи мужа и медсестры пересела с кровати в кресло на колесиках. Виктор вывез ее в коридор.

Разговор был очень тяжелым, им обоим пришлось нелегко, Элле вспоминать, а Виктору узнавать в подробностях о происшедшем. И все-таки Виктор настаивал на том, чтобы Элла рассказала ему все. От этого зависело, что делать дальше. Конечно, Виктор Леонидович не собирался оставлять случившееся без внимания, но ему нужно было знать, какие конкретно действия он должен предпринять. Но Элла ошеломила его.

– Нет! Я не хочу никаких расследований. Оставь это, Виктор. Лишняя и бестолковая нервотрепка, – нервно заявила она тоном, не терпящим никаких возражений.

– Элла, о чем ты говоришь?! Что значит никаких расследований? Негодяй должен быть найден, наказан, уничтожен! Нет, я этого так не оставляю, ты не хочешь мутить грязную воду, но я не брезглив, я окунусь в эту грязь с головой, но подлецу пощады не будет.

Но то, что поведала мужу Элла, повергло Виктора в некоторое недоумение. Он ожидал услышать историю с нападением и угрозами, насилием и издевательствами, но услышал он нечто другое. Все, что произошло с его женой, выглядело совершенно иначе, и он начал понимать, почему Элла не хо-

чет расследований. Это было слишком личное, нечто такое, о чем Виктор даже не догадывался, и благодаря чему его жена попала в ситуацию, которой она могла бы спокойно избежать, если бы была немного поосмотрительней.

Элла Острожина была у родителей единственной дочерью, и они старались воспитывать ее в лучших традициях интеллигентной, добропорядочной семьи. Элла была послушной и правильной девочкой, как таких называли обычно учителя. Она закончила школу хорошо, правда без медалей и грамот, но тем не менее это не помешало ей поступить в институт. Она поселилась в студенческом общежитии, но почти каждые выходные ездила домой к родителям, которые жили в подмосковье, куда электричкой можно было добраться меньше, чем за час.

В конце второго курса родители вдруг заметили, что дочь все реже и реже стала приезжать домой на выходные, а летом вообще заявила, что месяц каникул она проведет не дома, а поедет с друзьями на Черное море. Григорий Павлович и Софья Яковлевна Острожины были более, чем озадачены такой самостоятельностью дочери в принятии подобных решений и стали подробно расспрашивать ее о друзьях, с которыми она собирается ехать отдыхать. Но Элла этих расспросов старалась избегать, отвечала кратко, неохотно и невразумительно. Тогда отец строго заявил ей, что не даст ей денег на поездку до тех пор, пока не узнает, с кем она собирается ехать и более того – пока она не познакомит его со своими друзьями.

Эллу такая постановка вопроса явно не устраивала, и она отвергла ультиматум, заявив, что деньги ей не нужны, а с друзьями она не хочет знакомить родителей потому, что это просто неудобно. Она уже взрослая, и такие детские меры воспитания ей уже не подходят. Взрослой Элле было чуть больше восемнадцати, и все же она настояла на своем.

Вернувшись из поездки, девушка выглядела озабоченной, немного грустной, задумчивой. И опять-таки родители не могли найти с ней общего языка. А Эллу терзали невеселые мысли. Первый раз в жизни она была влюблена, и даже более того – она любила. Ее избранником был однокурсник Джават Затуев, красивый высокий парень с твердым взглядом глубоко посаженных глаз и абсолютно непроницаемым выражением лица, всегда точно знающим, что он хочет и чего добивается.

Джават учился на факультете народного танца, имел великолепную стройную фигуру и массу поклонниц. Когда он решил сделать Эллу своей девушкой, она испугалась. Она знала, какие страсти бушуют вокруг его персоны, сколько несчастных соблазненных и покинутых им подруг вздыхали, плакали и страдали по нему, но он был непреклонен. Однажды расставшись с очередной возлюбленной, он никогда больше не одаривал ее вниманием или даже дружеским расположением. Он просто переставал замечать ее. А девушка мучилась и переживала, не понимая, что же она сделала не так, что он вдруг бросил ее.

Когда очередь дошла до Эллы, она дала себе слово, что ни за какие блага мира не поддастся на его чары. Она не хотела проблем и сторонилась его, как могла. Но Джават буквально не давал ей проходу. Он встречал ее утром у входа в общежитие, и они вместе шли в институт, болтая так, ни о чем. На большой перемене, приходя в буфет, она не должна была стоять в очереди, Джават уже умудрялся все купить, и, заняв столик, ждал ее прихода. После занятий он находил ее и провожал в общежитие, а вечером являлся и приглашал в театр, ресторан или куда-нибудь еще, в основном в такие места, куда трудно было попасть или достать билеты даже за полгода вперед. Наконец Элла сдалась. Она решила просто проводить с ним вместе время, не становясь его невестой ни при каких обстоятельствах.

Подруги нашептывали ей, что не будь, мол, душой, беги от него, пока не поздно, но Элла, сама прекрасно понимая правильность их советов, расстаться с Джаватом уже не могла. Он цепко держал ее около себя и однажды признался в любви, горячо и пылко. Элла расплакалась. Она боялась этого признания, но еще больше она боялась сознаться себе в том, что тоже полюбила его.

Джават снимал квартиру на Стромынке, и однажды в выходной попросил Эллу не ездить домой, пригласив ее к себе.

– Джават, я не могу. Что я родителям скажу?

– Ты должна им что-то сказать, так как на летние каникулы мы поедем с тобой отдыхать на Черное море, к тому

моменту они должны быть готовы к тому, что их дочь уже взрослая, и не должна быть под их присмотром денно и нощно. Но если ты не можешь, хочешь я сам с ними поговорю?

– Нет! Я сама. Не надо. Я прошу тебя, Джават, я не могу вот так сразу.

– Элла, не раздражай меня. Ты не ребенок и прекрасно понимаешь... – Джават замолчал, не договорив фразу.

– Что я прекрасно понимаю, договаривай! – спросила Элла.

– Потом объясню, вечером. Жду тебя к семи у метро Сокольники. Не опаздывай.

С этими словами он повернулся и ушел, и Элла поняла, что если она не придет, то всему конец. Ей страшно не хотелось оказаться в положении ее подруг, покинутых Джаватом. Она была убеждена, что сможет противостоять любым его попыткам соблазнить ее. Но в глубине души надеялась, что он этого себе не позволит. Они даже ни разу не целовались, хотя она страшно об этом мечтала. Джават целовал только кончики ее пальцев и никогда не позволял себе лишнего.

Вечером в назначенный час Элла стояла у станции метро «Сокольники» и озиралась по сторонам, ища взглядом Джавата. Он опоздал ровно на двадцать минут и даже не извинился.

– Хорошо, что ты меня дождалась, молодец, – сказал он, подойдя к ней и глядя на нее своим орлиным взглядом, от которого ей сделалось не по себе.

Придя к нему домой, Элла заметила, что все готово к ее приходу. Стол накрыт на двоих, на нем фрукты, конфеты, два хрустальных фужера и бутылка шампанского. Элла была как во сне. Она уже не думала о том, что ей необходимо вести себя каким-то особенным образом, чтобы не дать Джавату повода понять, что она согласна на все. Она потерялась, растворилась в обстановке уютной, дорого обставленной квартиры, ей нестерпимо захотелось остаться здесь навсегда, с ним, с единственным, к которому так рвется ее душа. И тело...

Джават тем временем разлил шампанское, открыв бутылку удивительно ловко, без стрельбы пробкой, чего Элла ненавидела, и предложил тост.

– Дорогая, я хочу выпить за тебя, за то, что ты сегодня со мной, за то, что не отвергла меня и за то, что ты станешь сегодня моей.

Элла вздрогнула.

– Что? Вот так сразу? Я... мы...

Но слова у нее не получились. Она замолчала и уставилась на него огромными испуганными глазами.

– Элла, не строй из себя ребенка, у тебя это плохо получается. Мне нужна женщина, я выбрал тебя, и у тебя другого пути нет. Ты пришла ко мне сама, значит, ты будешь моей.

– Но я не женщина. Я девушка, Джават. И ты берешь на себя большую ответственность, ты не боишься?

– Чего? Того, что ты забеременеешь и бросишь меня? Нет,

не боюсь. А если ты чего боишься, то зря. Я знаю, как доставлять удовольствие, но не брюхатить девиц. Доверься мне, плохо не будет, я обещаю.

После этого тяжелого и неприятного разговора они пили шампанское в тишине, никто больше не проронил ни слова до тех пор, пока у Эллы не начала кружиться голова. Тогда Джават подошел к ней, взял на руки и отнес на кровать. Она не сопротивлялась, она была не в состоянии. Ей хотелось испытать всего, испить свою горькую чашу до дна и познать сладость и восторг тех ощущений, о которых она столько слышала и тайно мечтала.

Да, она стала его женщиной. Он относился к ней очень почтительно, не в пример другим. Подруги завидовали ей и недоумевали, как это ей удалось привязать к себе этого неукротимого красавца на такой длительный период, а когда летом они отправились вместе отдыхать, ни у кого даже слов не нашлось, чтобы оценить ситуацию адекватно.

– Наверное, они поженятся, – решили подруги и дольше не приставали к Элле с расспросами.

На третьем курсе в самом начале учебного года у Джавата случилась беда, у него скорпостиженно умер отец, и ему пришлось срочно уехать домой на похороны. Элла проводжала его и плакала. Он выглядел очень хмурым, нервничал по пустякам, но тем не менее отдал ей ключи и сказал, что договорился с хозяевами о том, что Элла поживет у него в квартире в его отсутствие.

Но больше Джават в Москву не вернулся. Элла подробно-стей не знала. Он позвонил ей один единственный раз и сказал, что взял академический отпуск и что в институт вернется только на следующий год. Ему было необходимо остаться дома, помочь матери и младшим братьям и сестрам, которых у него было пятеро, пережить это тяжелое горе.

Но и на следующий год он не вернулся, и вскоре она получила письмо, что его забирают в армию. В письме Джават настаивал на том, чтобы Элла ждала его. Он обещал жениться и предупреждал, что, если она посмеет его послушаться, то очень горько об этом пожалеет. Элле письмо не понравилось. Ей совсем не хотелось ждать Джавата, вернее, она уже устала его ждать.

Чувства ее перегорели, и она больше не желала, чтобы он подчинял ее своей воле, отчетливо поняв, что всю жизнь так прожить не сможет.

В армию ему она не писала, вернее, не отвечала на его редкие, порой очень злые письма, решив, что таким образом он от нее отстанет. И он отстал. Больше они не встречались. Элла закончила институт, уехала работать по распределению. Потом встретила Виктора Леонидовича, они полюбили друг друга и поженились.

История закончилась. Но, как часто бывает в жизни, прошлое порой дает о себе знать, особенно если мы сами возвращаемся к нему в мыслях, а порой и в поступках. Нельзя сказать, что Элла Беседина часто вспоминала свою любовь (да

и была ли она?) к красивому, но хладнокровному Джавату. Со своих сегодняшних позиций она понимала, что обращался он с ней довольно жестоко, он как бы делал ей одолжение, что был ее любовником, и за это она должна была платить ему абсолютным послушанием и беспрекословным подчинением. Элла не понимала этого тогда, возможно по молодости лет, а возможно просто потому, что была влюблена в Джавата. Она как будто победила в конкурсе за место находиться рядом с ним, и это положение ее ко многому обязывало.

Позднее, уже будучи замужем за Виктором, она осознала, что была практически в полной зависимости от человека, который просто использовал ее. Она навсегда запомнила слова Джавата, которые он сказал ей однажды, когда она за что-то обиделась на него и решила немного подуться. Он глянул тогда на Эллу свысока и сказал:

– Послушай, недотрога. Не забывай, что ты всего лишь женщина, а не пуп земли. А я – мужчина. И я выбрал тебя! Женщины как зонтики, разноцветные и красивые. И мужчины выбирают их по вкусу, а используют по назначению, как эти самые зонтики. Поняла?

Такие уроки не проходили для Эллы безболезненно. Она мучилась и переживала, но порвать отношения с Джаватом не могла. С его внезапным исчезновением все решилось само собой, самым лучшим для нее образом. И забыть бы об этом навсегда, но Элла сделала неверный шаг.

***

Приехав сейчас в Москву, она случайно узнала, что Джават живет в столице. В то утро, отправившись по магазинам, Элла совершенно неожиданно встретила в популярном югославском магазине «Ядран» с Надей Голубицкой, своей подругой по институту. Надя в свое время тоже была жертвой, которую Джават соблазнил и бросил через пару месяцев. Она захлеб рассказала Элле, что Джават вернулся в Москву, живет и работает здесь, имеет семью, которая осталась на родине. Надя призналась, что Джават нашел ее, когда переехал сюда и купил в Москве двухкомнатный кооператив. Она помогала ему обустроиться, и даже жила с ним некоторое время, но потом их отношения опять испортились, и Надя, якобы, покинула его.

«Выгнал, наверное. Знаю я его, как облупленного», – подумала Элла, а вслух сказала:

– Ну и правильно сделала, что ушла от него вовремя, ты такая

красивая, Надя, неужели ничего посерьезнее не найдешь?

– Нашла уже. Я замужем, мой муж архитектор, правда старше меня, но человек замечательный. Приходи к нам в гости, я тебя с Костиком познакомлю. А хочешь, я дам тебе номер Джавата, позвони ему, передай от меня привет, и скажи, что я больше не Голубицкая, если он вдруг надумает меня вновь разыскать.

Надя торопливо написала на клочке бумажки свой до-

машинный телефон и телефон Джавата, который помнила наизусть, и подруги расстались.

Эллу мучили сомнения. С одной стороны она понимала, что звонить Джавату не следует, но с другой стороны ей вдруг ужасно захотелось похвастаться перед бывшим возлюбленным своим положением, своей неотразимой внешностью и дать ему понять, что на нем, черт возьми, свет клином не сошелся. Но самое главное, ей хотелось посмотреть на него, ей хотелось убедиться, что она не любит больше этого человека и понять, за что она безумно любила его тогда.

Эта была дерзкая идея, но Элла не привыкла себе ни в чем отказывать и, не закончив толком свои покупки, позвонила ему из автомата, неуверенно набрав номер дрожащей рукой.

Джават на удивление оказался дома и ответил мягким бархатистым голосом, чем сразу же насторожил Эллу, она почувствовала прилив каких-то странных, давно забытых чувств, и это напрочь сбilo ее с толку. От ее мнимой самоуверенности не осталось и следа, и она робко проговорила в трубку:

– Здравствуй, Джават. Это Элла, твоя давняя подруга, помнишь меня?

Джават ответил не сразу. Он немного помолчал, потом прокашлялся и спросил:

– Решила позвонить? Зачем?

– Я в Москве, – начала было оправдываться Элла, но тут же взяла себя в руки и заявила: – Почему бы и не по-

звонить старому другу, или ты против?

– Да мне как-то все равно. Позвонила и позвонила. Чего ты хочешь, встретиться? Где ты? Я подъеду.

Вот тут бы самое время бросить трубку, но Элла была уже во власти его голоса, непререкаемого и повелительного тона, и она ответила тоже довольно уверенно и, как ей показалось, с достоинством:

– Я у метро «Беляево». Если за полчаса управишься, я дождусь. Если нет, извини. Дольше ждать не буду.

Джават подъехал через сорок минут, и Элла сделала вид, что уже уходит. Он вышел из машины, подбежал к ней и схватил в охапку.

– Ну здравствуй, недотрога. Вот ты какая стала, красивая, неприступная, да? Ну, посмотри на меня. Что, не нравлюсь? Располнел? Чего ты не отвечаешь?

Элла не находила слов. Она высвободилась из его крепких объятий, слегка улыбнулась и сказала:

– Не наседай. Не отвечаю, потому что ты задаешь дурацкие вопросы. Скажи лучше, как ты живешь, как оказался в Москве?

– А то ты не знаешь! Купил здесь квартиру, живу и работаю. Как узнала мой телефон? Подружки-говорушки доложили, так ведь? Значит они и обо всем тебе рассказали. Ладно, садись в машину, поехали.

– Куда? У меня мало времени, меня ждут.

– Муж?

– Нет, его нет в Москве, но мне надо идти, правда, Джават. Давай зайдем в кафе, выпьем кофе, поговорим, и разойдемся. Извини, что оторвала тебя от дел, может и не следовало звонить, но я...

Как всегда, Элла решающего голоса не имела. Джават не стал слушать ее, взял за руку и повел к машине.

– Я отвезу тебя, куда захочешь. Поехали, тут все равно нельзя долго парковаться, оштрафуют.

И через минуту они уже оказались в машине.

– Твоя? – спросила Элла, удобно разместившись на заднем сидении новенькой вишневой «Волги».

– Нет, соседская. Ты как спросишь чего-нибудь, так хоть стой, хоть падай. Я ведь на солидной должности, заведующий обувным магазином на Проспекте Вернадского. Налаживаю импортные поставки югославской, румынской обуви, езжу за границу в командировки. Я человек обеспеченный. Сейчас тебе свою квартиру покажу. Ты-то тоже, я вижу, не хило устроилась. Кто муж-то?

– Большой начальник. Извини, я не хочу говорить о муже с тобой.

– Что так? Боишься приревную? Не бойся, я спокоен, как танк. У нас с тобой все в прошлом, но ты, девочка, передо мной очень виновата. Ты предала меня, за это я должен был бы тебя наказать, но я не злодей. Пусть тебя мучает совесть, но знай, что ты поступила, как последняя дрянь! Я любил тебя, а ты...

Элле от этих слов стало не по себе. Она почувствовала, как холодок пробежал по спине, но тут Джават обернулся и нежно улыбнулся ей. Она сама не знает, как и почему не отказалась подняться к нему, наверное потому, что, выйдя из машины, Джават помог выйти и ей и тут же крепко взял под руку. Они поднялись к нему на десятый этаж, и Элла попала в роскошные апартаменты, хоть и двухкомнатные, но большая комната была площадью, наверное, не меньше двадцати пяти квадратных метров. Одна стена была почти полностью стеклянной, и из этого великолепного окна открывался чудесный вид на Москву. Элла не могла оторвать взгляд от этого зрелища, в то время, как Джават уже открывал бутылку армянского коньяка.

– Ой, нет-нет, я пить не буду. Даже не наливай, – сказала она, а Джават улыбнулся своей снисходительной улыбкой.

Коньяк он разлил и сказал:

– Извини, мне надо позвонить.

Он с кем-то недолго поговорил по телефону на своем языке, явно настаивая на чем-то, а потом как ни в чем не бывало вернулся в комнату.

– Давай, за встречу. Хорошо, что ты нашла меня.

Он выпил коньяк, и Элле ничего не оставалось делать, как последовать его примеру. Некоторое время она старалась держаться отстраненно и ко второй рюмке коньяка даже не притронулась. Но это ее не спасло. Элла и опомниться не успела, как оказалась в крепких объятиях Джавата. Ее

волю подавило пьянящее чувство остроты желания, которое она всегда испытывала с ним в те, не такие уж и далекие времена.

Он с ней не церемонился, и даже в спальню не отвел, он стал заниматься с ней любовью здесь же, в комнате, на полу. Он имел ее неистово и грубо, терзал, изнурял необузданными ласками, и она вдруг поняла, что тем самым он ей мстит, мстит за все, чем она так глубоко задела его больное самолюбие.

Джават ее не щадил, но это было бы ничего, Элла стерпела бы все, но тут она услышала, как открылась входная дверь, потом она захлопнулась, и в комнату вошли двое мужчин. Они бесцеремонно уселись на диван, разлили коньяк и стали нагло наблюдать за Эллой и ее неистовым любовником. Она громко кричала, извивалась и просила оставить ее в покое, прекратить этот чудовищный спектакль, но мужчины лишь посмеивались, тихо переговаривались между собой на непонятном ей языке, а потом начали раздеваться.

Элла была в их власти не менее четырех часов. За окном уже смеркалось, великолепная панорама ярко освещенного города поражала своей красотой, но истерзанная и зверски измученная женщина этого уже не замечала. Ей казалось, что пару раз она теряла сознание, но когда приходила в себя, опять-таки ощущала себя во власти насильников. Она уже не кричала, так как сорвала голос, и сил кричать у нее уже просто не было. Она тихо стонала от боли, отвращения

и страха.

Она боялась, что они убьют ее или замучают до смерти, но неожиданно все прекратилось. Мужчины оделись, потом подняли с полу обессилившую Эллу и насильно влили ей в рот изрядную порцию коньяка. Последними ее ощущениями были горячие, обжигающие глотки и надменные лица ее насильников, основным из которых было, конечно, лицо Джавата, злое, упрямое, жестокое. Элла потеряла сознание.

Очнулась она на лавочке в парке, как потом оказалось, в Сокольниках. Она была кое-как одета, при ней была только ее сумка, а вокруг собралась толпа народу, они ждали «Скорую помощь», как Элла поняла из их разговоров. Ее нашли в тихом и безлюдном уголке парка, она металась, стояла и была явно не в себе. Кто-то вызвал «Скорую», которая и доставила Эллу в больницу. Там ей сделали промывание желудка, немного успокоили и попросили объяснить, что с ней случилось.

– Я не знаю, отпустите меня, я не помню ничего, – говорила Элла сквозь слезы в надежде, что ее отпустят восвояси.

Но врач недоуменно пожимал плечами и настаивал на своем:

– Но вы же изнасилованы, женщина. Вам нужна медицинская помощь, ни о каком уходе домой не может быть и речи. К тому же, вы нездешняя, мы по паспорту проверили. Есть у вас в Москве кто-нибудь, с кем мы могли бы связаться?

Элла дала телефон Марии и попросила, чтобы ее отпусти-

ли поспать, силы опять покидали ее.

На следующее утро она проснулась с трудом, как будто выплыла со дна мутной реки. Она почувствовала горечь во рту, тошноту и страх. Ей казалось, что жизнь ее на исходе, и только один человек ей нужен был в эту минуту, ее муж Виктор. Она знала, что он спасет ее от этих мыслей, защитит от страха, пожалеет и простит. Поэтому, когда она вдруг увидела его, ворвавшегося в палату с глазами, полными ужаса и сострадания, она заплакала от некоего подобия счастья, так как поняла, что жизнь ее отнюдь не кончилась, она любима и теперь в полной безопасности.

А потом был этот тяжелый, выматывающий душу разговор с Виктором, исповедь, признание в сокровенном. Ей казалось, что необходимо все выплеснуть из себя, излить душу, а затем забыть, забыть навсегда, окончательно и бесповоротно.

Виктор Леонидович был шокирован откровениями своей жены. Все, что он узнал от нее, повергло его в ужас. Но обвинять несчастную, морально уничтоженную Эллу он не мог. Он сочувствовал ей, но к этому доброму чувству примешивалось и чувство какой-то брезгливости. До этого ему всегда казалось, что Элла была чиста и невинна. Вообще говоря, ее прошлое мало интересовало Виктора. Он, правда, задал однажды ей нелепый вопрос «Кто у тебя был первым?», на что получил достойный ответ: «Это было давно, я не помню». Больше он с расспросами к Элле не приставал и до настоящего момента думал, что его жена и вправду забыла о своем прошлом, такое оно было у нее неважное и неказистое по сравнению со счастливым замужеством, что нечего о нем и вспоминать.

Оказывается, он ошибался. Прошлое – не старая ненужная вещь, которую можно выбросить на помойку, и забыть о том, что она вообще когда-то существовала. Вот и Элла имела это самое прошлое, и оно дало о себе знать таким вот коварным и жестоким поворотом судьбы.

Виктор Леонидович забрал Эллу из больницы через неделю и увез домой. Она категорически настояла на том, чтобы не заявлять на Джавата Затуева, мотивируя это тем, что, во-первых, она сама виновата, что пошла к нему, а во-вторых,

это не безопасно. Такие люди, как Джават и его сотоварищи никогда не оставят их в покое, если они решат наказать их за преступление.

И все-таки Виктор сходил на беседу к полковнику Журавлеву в двести сороковое отделение милиции, и тот навел кое-какие справки относительно личности Джавата Затуева. Директором обувного магазина он не был, занимался перепродажей крупных партий импортной обуви через склады и базы в Москве и отправлял ее к себе на родину для дальнейшей перепродажи.

– Спекулянт чистой воды. Махинации его прикрыты необходимыми в этих сделках бумагами и накладными, голыми руками его не возьмешь, но когда-нибудь проколется. Знаем мы таких торговцев, уж сколько их пересажали, а все равно им хоть хрен по деревне, извините за грубость. Надо, чтобы ваша жена написала заявление. Без него мы как без рук, не можем применить к нему никаких законных действий.

Виктор Леонидович пообещал серьезно поговорить с женой, но обещания своего не выполнил. Вернее, поговорить-то он поговорил, но Элла была решительно настроена против применения каких-либо санкций к Джавату.

– Я этих подонков уничтожила бы собственными руками, но не могу. А угрожать им тюрьмой – себе дороже. Ты можешь хоть на минуточку себе представить этот суд? Как я буду там выглядеть, как я буду отвечать на их каверзные вопросы? Меня ведь не обокрали, а... Ой, давай лучше не будем

об этом. Все, раз и навсегда решено, к этому больше не возвращаемся и постараемся все забыть.

Виктор Леонидович обнял жену и пообещал сделать так, как она захочет, в глубине души будучи уверенным в том, что он все равно найдет нужных людей, которые возьмутся за Джавата и не оставят от него и мокрого места, это уж «нужные люди» делать умеют. А этот подлец и знать не будет, откуда ветер дует, и глазом не моргнет, как окажется за решеткой.

Беседины вернулись домой. Их встретила взволнованная и недоумевающая Галина Федоровна, которая уже не знала, что и думать. Она не представляла себе, что случилось и очень волновалась. Павлик радостно запрыгал у нее на руках, когда увидел родителей. Виктор взял малыша на руки, а Элла только поцеловала его, заплакала и ушла к себе. Больше в этот вечер она из спальни не выходила, и Виктор Леонидович объяснялся с няней сам. Конечно, он не сказал ей правды. Он придумал историю о каком-то срочном и необходимом медицинском обследовании, которое, якобы, прошла Элла и сказал, что теперь ей нужен отдых и покой.

На следующий день Виктор вышел на работу, и потекли его загруженные административной деятельностью будни, которые требовали от него очень большой самоотдачи. Элла пребывала в депрессии. Она очень мало ела, плохо спала, часто плакала и ни на какие уговоры взять себя в руки не реагировала. Обращаться к врачу она категорически отка-

залась, так как боялась, что в поликлинике узнают, что с ней произошло, и тогда не оберешься сплетен, злорадства и злоязычия.

Виктору тоже было тяжело. Вечером, приходя с работы уставшим и замученным, он начинал успокаивать Эллу, пытаясь вывести ее из состояния, в котором она пребывала. Павликом они оба практически не занимались, у них не оставалось на ребенка времени. И не известно, как бы малыш чувствовал себя в подобной ситуации, если бы не добрая, искренне любящая его и заботливая Галина Федоровна.

Малыш рос очень здоровеньким и резвым. Он был необыкновенно хорошеньким, с живыми умными глазками, кудрявыми пушистыми волосиками, в десять месяцев уже пошел и даже начал произносить членораздельные звуки.

Галина Федоровна не могла нарадоваться на малыша. Чтобы помочь Элле справиться со своим состоянием, она часто приносила ей Павлика и предлагала поиграть с ним или сходить погулять. Но казалось, мать совершенно потеряла всякий интерес к ребенку.

– Он очень шумит, я не могу заснуть. Не могли бы вы на время пойти с ним куда-нибудь сами, в парк или во двор хотя бы? У меня очень болит голова, а Павлик такой беспокойный ребенок, – выговаривала она няне, и та только недоуменно пожимала плечами.

Галина Федоровна часто забирала мальчика к себе. Они проводили в ее квартире очень много времени, и, казалось,

это вполне устраивало Эллу. Понемногу она приходила в себя и стала даже подумывать о том, чтобы вернуться на работу.

— Элла, зачем? Ты можешь спокойно сидеть дома и не волноваться о работе. Она от тебя никуда не уйдет, — увещевал ее Виктор, но она, как всегда, перечила ему.

— А я и не волнуюсь, что она от меня уйдет. Мне просто надоело сидеть дома сиднем, я потеряла всякий интерес к жизни. Я хочу на люди, тебе этого не понять. Поговори там, пусть освобождают мое местечко, еще пару недель, и я выйду на работу, договорились?

Виктор Леонидович не сказал ни да, ни нет, только пожал плечами, что в глазах Эллы означало полное согласие. Между супругами натянулась какая-то невидимая струна, которая мешала им обоим. Они все дальше и дальше отдалялись друг от друга, и, казалось, эта струна вот-вот лопнет, и их семейные узы порвутся вместе с ней. После того, что случилось с Эллой, они уже не могли в глубине души назвать себя счастливой семейной парой. Они часто не находили общего языка, Элла была несговорчивой, упрямой и эгоистичной, Виктор все больше и больше чувствовал охлаждение к ней.

Интимная близость вызывала у обоих неимоверное мучение, так как Элла, каждый раз пересиливая себя, просто уступала мужу и часто корчилась от боли. Было видно, что секс не доставляет ей ни малейшего удовольствия. Виктор же в свою очередь чувствовал себя чуть ли не насильником,

обладая собственной женой, и это чувство вызывало в нем крайне неприятные ассоциации и отвращение к самому себе и к любовным наслаждениям.

Но как говорят, беда не приходит одна. Внезапно их семью постигло очередное испытание. В тот момент, когда Элла, казалось бы, более менее пришла в себя, она вдруг почувствовала себя неимоверно плохо. У нее окончательно пропал аппетит, ее часто тошнило, она потеряла вес и выглядела слабой, бледной и нездоровой. Виктор испугался не на шутку и решительно заявил:

– Нет, все! К врачу, немедленно! Надо обследоваться. Прошло уже достаточно времени, чтобы врачи просто так вдруг распознали, что с тобой произошло. Не хочешь, не говори им, но обследоваться нужно.

Но Элла с присущей ей самоуверенностью сказала мужу:

– У меня гастрит. Это было со мной уже в детстве. Все на нервной почве. Тогда врачи сказали, что он может повторяться. Нужно пить минералку и принимать витамины. Еще облепиховое масло хорошо. Достань пожалуйста.

– Хорошо, достану. Это не проблема. Но только после того, как врачи скажут, что оно тебе не вредно. Гастрит надо лечить, и на это существует медицина, а самолечением люди занимались в средние века, когда цивилизация еще только зарождалась. Я сегодня же позвоню в поликлинику и попрошу, чтобы тебе назначили прием. Сходишь к врачу, он решит, каких специалистов тебе надо пройти.

* * *

Виктор Леонидович Беседин находился на работе, и странное волнение, овладевшее им с утра, не проходило. Он волновался за жену. Мало того, что ее моральное состояние все еще оставляло желать лучшего, еще и это странное недомогание. Он знал о том, что в стрессовой ситуации у человека может приключиться какая угодно болезнь, и это очень волновало его. От жизнерадостной, энергичной и активной Эллы не осталось и следа. Вместо этого он имел теперь при себе угнетенную, раздраженную женщину, которая обращалась с ним совсем не как любящая жена. Ей было просто не до этого.

Утром, позвонив врачу, Виктор Леонидович попросил его как можно серьезнее отнестись к проблемам Эллы и назначить ей хорошее полноценное лечение. Он все еще надеялся на то, что ему удастся вернуть Элли, хотя он и не до конца понимал, что дело не только в ней. Сам Виктор тоже изменился, вернее, изменилось его отношение к жене. Он конечно же любил ее и сочувствовал ей, но она существовала для него сейчас как бы в двух лицах, в двух образах: та Элла, которую он любил, была Эллой в прошлом, та, которой он сочувствовал, была Эллой настоящей, и они не совмещались.

«Нужно что-то делать, так дальше продолжаться не может», – думал Виктор Леонидович и уповал на врачей, которые, по его мнению, должны совершить чудо и вернуть ему

жену в прежнем обличье и настроении.

Телефонный звонок прервал его невеселые мысли. Это был врач.

– Виктор Леонидович, звоню вам, как говорится, с новостями, но лучше бы не по телефону. Вы не подъедете ко мне на полчаса, есть разговор.

– Что-нибудь серьезное? Элла больна? – Виктор Леонидович не скрывал тревоги и беспокойства.

– Нет, не в этом дело. Мне надо кое-что вам сообщить. Жду вас в любое время, я знаю, что вы человек занятый. Я буду в поликлинике до семи, подъезжайте.

Через пятнадцать минут Виктор уже входил в кабинет своего хорошего знакомого, прекрасного специалиста, заведующего терапевтическим отделением спецполиклиники Геннадия Дмитриевича Орлова.

Тот поднялся навстречу, пожал приятелю руку и предложил присесть. Виктор внимательно вглядывался в его лицо, пытаясь понять, насколько серьезный разговор предстоит им обоим. Его беспокоила мысль о том, что из-за гастрита его бы вряд ли пригласили для конфиденциальной беседы. Но Геннадий был спокоен, и выражение его лица было совершенно обыденным.

– Виктор, дорогой мой, ты от меня ничего не скрывал? Я знаю, что вы с женой были в Москве пару недель. Если не секрет, что это была за поездка?

– Не секрет. Жена поехала навестить подругу, там она за-

болела и попала в больницу, я поехал туда, чтобы привезти ее. Мы вернулись, когда она немного поправилась. А что?

– Твоя жена беременна. Я говорю тебе об этом, так как она тоже не собиралась от тебя этого скрывать, и я понял, что вы в Москве, скорее всего, осуществили искусственное оплодотворение. Так ведь? Элла Григорьевна, правда, умолчала об этом, но я не пойму, что за секреты, почему ты мне ничего об этом не сообщил?

Виктор обомлел. Эта новость буквально пригвоздила его к месту, лишила дара речи и возможности соображать. Он чувствовал, как горячо и громко стучит у него в висках, и еще он ощутил острую колючую боль где-то в районе сердца. Он испугался.

– Гена, ты что, серьезно?! Элла беременна? Но врачи нам сказали, что ничего не получится и... вообще... мы уже и надеяться перестали. Элла так плакала, у нее была депрессия на этой почве. И вдруг... А ты уверен?

– Да, черт тебя побери, рохля несчастный! Уверен! У твоей жены уже шесть недель беременности. Она в прекрасной форме, рожать может, хоть завтра, а ее теперешнее состояние – это всего навсего банальный токсикоз. Неужели не допетрили? Тоже мне, родители.

Орлов разговаривал с Виктором в игривом тоне, но от этого у него не становилось легче на душе. Наоборот, его охватила непонятная тревога, но он подсознательно чувствовал, что должен врать, подыгрывать приятелю, только бы правда

со всей своей ужасной неприглядностью не всплыла наружу и не стала достоянием гласности.

Совершенно ошеломленный, уничтоженный и морально подавленный, Виктор отправился домой. Машину он отпустил, сходить с Геннадием выпить за удачу он отказался, решил пройтись пешком и обдумать ситуацию. Подумать было над чем.

Конечно же, Элла не захочет рожать этого ребенка, об этом не может быть и речи, но вот как избавиться от него, если Геннадий так настроен, и Виктор оказался совершенно неспособен на то, чтобы выдвинуть какую-либо другую версию. Да и что здесь можно придумать? Как ни крути, а самый лучший вариант это тот, который предложил Орлов. Конечно же, искусственное зачатие. Только теперь-то что? Передумали, испугались, расхотели? Надо что-то придумать, и это что-то необходимо обсудить с Эллой. Она наверняка что-нибудь уже сообразила.

Элла встретила мужа торжественно и сияя. Она вырядилась в одно из самых своих красивых платьев, сделала прическу, макияж и выглядела на все сто.

– Дорогой! – торжественно произнесла она, когда Виктор появился в дверях. – Если ты бегал по городу в поисках облепихового масла и поэтому задержался, я хочу тебе сказать, что оно уже не актуально.

– А что актуально? – спросил он ей в тон.

– А вот угадай? Посмотри на меня и угадай. Посмотри по-

внимательней на мои груди, на мой живот, хотя он, конечно, еще не изменился, но вот груди-то, груди! Глянь! – и она обтянула свой бюст красивым эластичным трикотажем, из которого было сшито ее платье, и ему действительно показалось, что они стали округлее и полнее.

Элла подошла поближе и обхватила мужа своими нежными руками. От этого прикосновения у него закружилась голова. Он уже забыл, когда последний раз она была так ласкова с ним.

– Дорогая моя, как же я по тебе соскучился, вот такой, нежной и ласковой. Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил Виктор, растроганный до глубины души благодушным настроением жены.

– Конечно, я прекрасно себя чувствую! А что? Разве есть повод грустить? – ответила Элла вопросом на вопрос.

– Да нет, просто я подумал, что ты слегка перевозбуждена. Не волнуйся, я все знаю, я разговаривал с врачом.

– Вот и отлично, значит мне не надо ничего объяснять тебе. Видишь, как все получилось? Кто бы ожидал? Ну что ж, против судьбы не пойдешь. Так значит у меня на роду написано.

Виктор подошел, обнял Эллу за плечи и усадил на диван рядом с собой.

– Ничего, дорогая, не переживай. Я найду возможность устроить все в Москве. Возьму отпуск. Мы поедем туда вместе, сделаешь аборт, пробудешь в больнице столько, сколько

необходимо и вернемся назад. А может еще время останется съездить к морю? Как тебе такое предложение?

Элла резко повернулась и уставилась на мужа полными ужаса глазами. Она явно хотела что-то сказать, но ее попытка не удалась, пара глухих невнятных междометий, а затем она сорвалась на плач. Виктор испугался.

– Элла, любимая моя! Что ты так расстроилась? Это ведь пустячная операция, ну неприятно, конечно, но не смертельно. И я буду рядом. Не плачь, я прошу тебя, – пытался он успокоить Эллу.

Вдруг она резко встала, вытерла глаза кружевным платочком и взглянула на него твердо и решительно, даже с неприязнью, как показалось Виктору.

– Я, честно говоря, не понимаю, о чем ты говоришь! – вдруг заявила она каким-то чужим визгливым голосом. – Я намерена рожать этого ребенка. Бог дал мне шанс стать матерью может быть единственный раз в жизни, и я не хочу этот шанс упускать, понятно? Я буду рожать! Можешь выгнать меня из дому, беременную, но я от своего решения не отступлюсь. Или ты будешь мне теперь эту беременность в вину ставить?

Виктор потерял дар речи. Он смотрел на жену глазами, полными ужаса, и пытался угадать, не сошла ли она с ума. Рожать ребенка, зачатого после грубого изнасилования, в состоянии алкогольного опьянения, стресса и с риском для жизни – это ли не безумие? Нет, это только Элла могла

додуматься до такого! И сколько настойчивости в ее голосе, сколько протеста здравому смыслу. Виктор почувствовал тошноту. И снова закололо сердце.

– Элла, ты не больна, случайно? Ты хотя бы отдаешь себе отчет в том, что полноценного ребенка ты вряд ли родишь, учитывая небезызвестные тебе обстоятельства. И что мы потом с ним будем делать? Нам еще Павлика поднимать. Можем ли мы рисковать так своей и его судьбой? Не может быть и речи о том, что я пойду на этот безумный шаг и дам тебе свое согласие. Одумайся и собирайся в Москву. Мне надо оформлять отпуск, тянуть нельзя, у нас в запасе не больше месяца на все про все.

С этими словами Виктор Леонидович вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь, дав таким образом понять Элле, что разговор окончен. Она осталась стоять в агрессивной, но совершенно беззащитной позе, из глаз ее катились крупные слезы, а руки были сжаты в кулаки.

– Нет! Я никуда не поеду! Делай со мной, что хочешь. Это мой ребенок, и я не позволю его убивать! Пошел ты к черту со своей Москвой и со своим абортom! – последнюю фразу она выкрикнула уже в коридор, открыв настежь дверь, так, чтобы муж слышал ее.

Затем она вернулась в комнату, упала на диван и громко зарыдала. Виктор к ней не подошел, но Галина Федоровна не могла больше терпеть этой сцены, она села рядом и стала гладить Эллу по волосам. Это ее немного успокоило. Все еще

громко всхлипывая, она села и сказала:

– Я беременна, так получилось. Виктор знает, что и как произошло, а рожать мне не дает. Скажите ему, я умоляю вас! Пусть он вас послушает. Я так хочу ребенка!

– Хорошо, хорошо, милая. Я поговорю с ним. Успокойся. Хочешь рожать, значит надо быть спокойной, беречь ребеночка, а то можно ему навредить. А за Павлика не беспокойся. Он мне как сынок. Я его выхожу, помогу тебе. Мне своих внуков еще долго не видать, мои-то с этим не торопятся. Деньги зарабатывают, им не до детей. А тебе сам бог велел, рожай на здоровье. Смирится Виктор Леонидович, грех это, жену против воли на аборт тащить. Я в ваши дела вмешиваться не хочу, но с ним поговорю.

Виктор не спал всю ночь, он слышал, как беспокойно спала Элла в соседней комнате, иногда всхлипывая, то ли во сне, то ли наяву. Ему стало ее жалко. Осторожно открыв дверь, он вошел к ней в спальню и увидел, что она не спит. Включен ночник, на тумбочке бокал с недопитым вином и плитка шоколада. Элла полусидела в кровати, листала какой-то журнал, и глаза ее были мокрые от слез.

– Ну чего ты себя изводишь, Элла? Так же нельзя! Ну что вот ты сидишь, пьешь, плачешь? Ты что, ребенок что ли? Давай- ка я уложу тебя, горюшко ты мое.

Он подошел к жене и попытался забрать у нее журнал, но она резко отдернула руку. Он тем не менее журнал забрал и сел рядом. Элла смотрела на него исподлбья, недоверчиво

и зло.

– Не злись. Я тебе зла не желаю, ты прекрасно это понимаешь. Я очень люблю тебя, но у нас обоих сейчас сильная душевная травма. Разве способны мы принимать верные решения в таком состоянии? Кто из нас ошибается, ты или я?

– Виктор, скорее всего, ошибаюсь я. Я понимаю, что ты не можешь, физически не в состоянии хотеть этого ребенка. Но я его хочу. Мне все равно, от кого он, как он попал ко мне в нутро, но я испытываю удивительное чувство, ни с чем не сравнимое чувство, тебе, как мужчине, этого не дано понять. Поэтому смирись. Хочешь, давай расстанемся, но аборт я делать не буду.

Элла произнесла свою речь твердо и упрямо, глядя мужу в глаза, и Виктор Леонидович понял, что его партия проиграна. Он обречен на то, чтобы вновь стать отцом чужого ребенка, и опять по прихоти своей жены, которая строила их жизнь по своему усмотрению, совершенно не считаясь с его желаниями и здравым смыслом.

Элла переносила беременность на удивление легко. Токсикоз прошел быстро, и уже к концу третьего месяца совсем перестал мучить ее. Она порозовела, похорошела, и характер ее заметно изменился к лучшему. Элла стала мягче, сговорчивее, и Виктор Леонидович немного расслабился.

Конечно, он все еще чувствовал обиду, которая как заноза сидела где-то глубоко и постоянно напоминала о себе. Но он старался ее не замечать. Его семейное спокойствие было ему дороже собственного самолюбия, через которое он переступил, дав свое согласие на то, чтобы его жена вынашивала этого чужого, совершенно неожиданного ребенка. Мысль о нем не доставляла никакой радости оскорбленному Виктору, но он все же прятал эти чувства от жены, надеясь на то, что все как-нибудь изменится. В первую очередь он надеялся на изменение своего настроения и отношения к будущему ребенку. Пока у него это не получалось.

Элла же наоборот, буквально порхала, на сколько это было возможно в ее положении. Она постоянно говорила о малыше, покупала пеленки, распашонки, игрушки, погремушки, и всего этого было уже чересчур много. Беспокоило Виктора отношение его жены к сыну. Было очень заметно, как она охладела к Павлику. Ему уже пошел второй год, он требовал очень много внимания и заботы, но все это исходило

в основном от Галины Федоровны. Она все чаще и чаще забирала малыша к себе, и Виктор Леонидович стал возражать.

– А что такого, я не понимаю? – вопрошала Элла. – Ребенок под присмотром, Галина его кажется обожает, что тебя не устраивает?

– По-моему, мы его родители, а не Галина. Она помощница тебе всего лишь, почему же ты все свалила на нее? – отвечал ей муж с недовольством в голосе.

– Знаешь что, если тебя что-то не устраивает, ищи возможность, как ухаживать за ребенком самому. Я не в состоянии, как ты сам понимаешь. Мне и так тяжело. Мне его ни на руки не поднять, ни в кроватку не положить, ни на улицу не вынести. Ты что хочешь, проблем с моим здоровьем?

Виктор Леонидович был возмущен до глубины души такой постановкой вопроса. Он понимал, что произошло, и это пугало его. Скорее всего, Элла просто разочаровалась в своей идее усыновления, и теперь искала выход из создавшейся ситуации. Нужно было срочно принимать меры и дать ей понять, что так поступать нельзя. Ребенок не собачка и не котенок, заведя которого можно передумать и вернуть его прежним хозяевам. Он постарался успокоиться, выждал паузу и сказал:

– Послушай, Элла. Мы имеем сына и несем за него такую же ответственность, какую будем нести и за следующего. Ты не можешь пренебрегать Павликом только потому, что ожидаешь второго ребенка, это тебе скажет всякий, да ты

и сама это прекрасно понимаешь. Так что будь добра, выполняй свои материнские обязанности как положено.

Элла поджала губы и ничего не ответила. Она вообще не любила, когда ей ставили на вид и делали замечания. В глубине души молодая женщина чувствовала необыкновенный подъем, сама не зная почему. Она ощущала себя на вершине блаженства и понимала, что причиной этому было что угодно и кто угодно, но только не ее муж Виктор. Она как будто чувствовала его внутреннее недовольство и злилась на него за это.

«Делать замечания каждый дурак умеет. Лучше бы был способным сделать свою собственную жену матерью. А раз не способен, то и нечего возмущаться. Тоже мне, поучать еще меня будет», – думала про себя Элла и ощущала все более растущее раздражение к мужу.

Она не понимала, как она относится к своему приемному сыну Павлику. Когда он был грудным, она безумно любила и жалела его, он казался ей таким крошечным и беззащитным. Но когда он немного подрос, Элла утратила эти чувства. Павлик стал раздражать ее. Сначала она этого не замечала, потом у нее был стресс и депрессия, а потом она узнала о своей беременности и поняла, что усыновление Павлика было ошибкой. Ах, если бы она раньше знала, что так повернется ее судьба, если бы кто-то ей подсказал, что ей суждено будет стать матерью, разве она пошла бы на усыновление чужого ребенка? Да ни за что! Так что же теперь, нет пути

назад?

Элла считала, что есть. Пока мальчик еще совсем мал, ему ведь все равно, где и с кем жить. Так или иначе, он появился на свет без родителей, такая уж у него судьба, и поперек нее не пойдешь.

«Надо вернуть Павлика, – равнодушно думала Элла, – и чем скорее, тем лучше. Пока он еще ничего не понимает толком. Найдется еще кто-то, кто захочет взять его. Только вот Виктор – проблема. Начнет опять морали читать вместо того, чтобы понять меня и поддержать. Ах, как он изменился. Раньше был не муж, а золото. А теперь что? Не может простить мне этого изнасилования, как будто он пострадал, а я нет!»

Элла думала обо всем этом и злилась на все и на всех. Эти мысли не давали ей покоя и портили настроение, но она уже знала, что решение принято и надо действовать. Идти напролом она не решилась и пошла на хитрость. Стала разыгрывать мигрени, слабость, тошноту и невыносимую усталость. С Виктором она старалась быть помягче, исподволь готовила его к серьезному разговору. Начала она издалека, ей хотелось, чтобы муж сам пришел к правильному решению вернуть мальчика, чтобы это исходило не от нее.

– Ах, Витя, я больше не могу. Что же меня ждет? Может ты прав был, когда предлагал сделать аборт? А сейчас уже поздно, но мне так тяжело! Еще ходить и ходить. Я ночами не сплю и днем не могу, Павлик не дает. А что я буду делать,

когда родится малыш? Мне опять не спать? Я не вынесу двоих. Галина Федоровна тоже не железная, да и она, по-моему, к своей дочери собирается. А больше никого чужого в своем доме я видеть не хочу. Что делать?

– Успокойся, Элла. Все это надуманные страхи. Не ты первая будешь двоих детей иметь. Справишься.

– Не справлюсь! Я не семижильная. И я хотела одного ребенка, а не двоих.

– Разве? А я думал, двоих, когда ты решила рожать второго. Если тебе тяжело, поезжай к матери. Родишь там, и она поможет тебе с ребятами, раз Галина Федоровна собирается уезжать.

Это разумное предложение вдруг вывело Эллу из себя. От ее жалостливого вида не осталось и следа. Она стала гневно упрекать мужа в равнодушии, безответственности и пренебрежении ею.

– Да как тебе в голову такое могло прийти? Хочешь избавиться от меня, да? Нет, мой дорогой, ничего не выйдет! Тебе легче от жены избавиться, чем от чужого ребенка. Неужели не понятно, что мальчишка не может дольше оставаться с нами? Ты дурак что ли, что вешаешь мне на шею...

Она не договорила, ее прервала на полуслове несильная, но смачная пощечина. Элла этого не ожидала. Она инстинктивно схватилась за щеку и, всхлипнув, вдруг захохотала. Потом резко остановилась, посмотрела на Виктора злобным, невидящим взглядом, сплюнула на пол и вышла.

Виктору стало страшно. Он был почти уверен, что его жена не в себе, и у нее что-то с головой. Такое поведение нельзя было расценивать, как поведение нормального человека. Все ее слова, нервозность, выходки не оставляли у него никаких сомнений в невменяемости Эллы. Но он не хотел никак с этим бороться. Он устал от нее.

– Господи, ну и стерва, больная сумасшедшая стерва, – вполголоса произнес он и даже не двинулся с места, чтобы разыскать жену и попытаться успокоить ее. Элла тем не менее истерики не закатила. Она закрылась в своей спальне и целую неделю почти не выходила оттуда.

Галина Федоровна не стала вмешиваться в эту ссору, просто ушла к себе, забрав Павлика. Она уже давно не спрашивала у его родителей, может ли она забрать мальчика. Элле было все равно, а Виктор предательски молчал, чтобы не раздражать Эллу, он надеялся, что рано или поздно ситуация изменится, и сынишка снова станет любимым и желанным для его жены. Он считал, что это временно, пока Элла недомогает, а потом все наладится. Но сейчас он понял, что все намного серьезнее и страшнее. Виктор смирился с тем, что Галина Федоровна с Павликом у них пока не появляется, в глубине души он уговаривал себя, что это необходимая мера. Но он звонил им почти каждый день и завозил продукты.

– Извините, Галина Федоровна. Элла очень плохо переносит беременность. Но вы можете в любое время прийти к нам домой. Никаких проблем и препятствий нет. Хотя обстанов-

ка у нас тяжелая, я вас понимаю, – сказал он ей в очередной свой приход.

Неожиданно Галина Федоровна пригласила его на чашку чая. Павлик радостно бегал по длинной прихожей и, казалось, чувствовал себя как дома. Галина Федоровна заварила крепкий чай и достала свежеиспеченные булочки.

– Угощайтесь, а я пока Павлика уложу. Поздно уже, – сказала она и увела мальчика в спальню.

Вернувшись минут через пятнадцать, она села напротив Виктора и сказала немного неуверенно:

– Виктор Леонидович, вы меня извините, если я не в свое дело... но мне кажется вам нужно и впрямь Павлика вернуть.

Виктор поперхнулся только что надкусанной булкой и устремил недобрый взгляд на Галину Федоровну.

– Что значит «вернуть»? Куда вернуть, кому? Павлик – наш сын! Как вы посмели подумать даже об этом, не то что мне предложить!

Он был возмущен и оскорблен, ему не хотелось признать-ся даже самому себе в том, что с Павликом они совершили ошибку. Он знал и чувствовал это, но отказываться от ребенка не хотел.

– Нет, вы не смеете мне это говорить. Я глубоко уважаю вас за все, что вы сделали для нас и в первую очередь для нашего сына, но почему вдруг такой вывод? Мы что, совсем некудышные родители по-вашему? – Виктор Леонидович пытался оправдаться и сделать вид, что оскорблен до глу-

бины души таким неправильным выводом, который сделала няня его сына.

Галину Федоровну не смутил возмущенный голос Виктора Леонидовича, она лишь опустила глаза и, слегка постукивая по столу пальцами, продолжила свою мысль:

– Видите ли, уважаемый Виктор Леонидович, в вашей семье очень много проблем, и по-моему даже неразрешимых, а Павлик, как мне кажется, мешает их разрешению. Это не ваша вина. Я глубоко уважаю вас и прекрасно отношусь к Эллочке, но вы оба будете винить сына всю жизнь за то, что он оказался пятой спицей в колесе вашей семейной жизни. Не берите грех на душу, вы не сделаете мальчика счастливым. Скоро у вас родится свой малыш, вы увлечетесь заботами о нем, Павлик будет большой помехой, и так будет всю жизнь. А он ведь ни в чем не виноват.

Галина Федоровна говорила очень тихо, с расстановками, обдумывая каждое слово и каждую фразу. Было сразу видно, что ей это нелегко дается. Но Виктор Леонидович не спешил с ней соглашаться, хотя...

«Боже мой, а она ведь права!» – пронеслось у него в голове, но тем не менее он вновь насупил брови и произнес:

– Я прошу вас не вмешиваться в наши семейные проблемы. Я никогда не пойду на то, чтобы вычеркнуть Павлика из нашей жизни. Он наш сын, а не игрушка, мы не имеем права играть с его судьбой в угоду нашему настроению.

– Прекрасные слова. Ах, как было бы хорошо, если бы

все так и было. Но это не так, уважаемый Виктор Леонидович. Все дело в том, что Павлик теперь нежеланный ребенок, и все его проблемы будут заключаться именно в этом. Не портите ему жизнь.

– Хорошо, пусть так вам показалось. Вы все равно в нашу душу и шкуру залезть не сможете и выводы делаете только по поверхностным впечатлениям. Мы очень любим Павлика и поэтому...

– И поэтому он большую часть времени проводит со мной. Не надо меня переубеждать. Я хочу помочь мальчику, так как очень привязалась к нему. Отдайте его мне!

– Да вы что? Вы... в своем уме? – Виктор Леонидович не сдержался и закричал на бедную женщину.

Но она не сдавалась. Крик не произвел на нее большого впечатления, она только подняла ладонь вверх, останавливая тем самым Виктора Леонидовича от дальнейших возмущений.

– Не кричите. Я вам дело предлагаю. У вас хорошие связи, никто не знает, в каком мы родстве. Пусть я буду вашей тетей, какая разница, и заберу как бы ребенка себе на время беременности Эллы Григорьевны. А потом вы все тихонечко переоформите на меня, и мы с Павликом уедем куда-нибудь, когда он подрастет. Я полна сил и здоровья, я ему всю свою жизнь посвящу, а вы тоже будете свободны, и отношения у вас с женой наладятся. Подумайте. Я вам добра желаю, и Павлику, и себе. Все от этого выиграют.

Виктор Леонидович резко поднялся и заявил:

– Так, собирайте ребенка, я сейчас машину вызову, мы поедем домой.

– Нет, никуда вы его не заберете, уже одиннадцатый час, он спит. Завтра я его привезу. А сейчас извините. Нечего ребенка булгачить. Жаль, Виктор Леонидович, что вы не хотите прислушаться к здравому смыслу. Очень жаль.

Виктор Леонидович не ответил, он тяжело поднялся и ушел. У него шумело в голове так, что казалось там водопад внутри. Он не мог сосредоточиться. Но самое страшное было то, что его пожирал стыд, невыносимый едкий стыд, который жег его изнутри и заставлял крепко стискивать зубы, чтобы не застонать от душевной боли.

«Что же мы наделали? Она ведь права, никакие мы Павлику не родители. Я бесконечно занят на работе, весь в делах, а эта...» – Виктора Леонидовича передернуло при мысли об Элле, он считал ее виноватой в этой беде.

«Конечно, это все ее вина, ее прихоти, – продолжал он свои невеселые мысли по пути в ненавистный дом, – хочу ребенка, не хочу ребенка, давай усыновим, нет давай отдадим обратно... и зачем я, дурак, пошел у нее на поводу!»

Придя домой, он собрал свою волю в кулак, умерил эмоции и попытался объяснить с Эллой, высказав ей свои тяжелые мысли. Она выслушала его спокойно, потом пожала плечами и сказала:

– Извини, дорогой, но ты забыл видимо, что это была твоя

идея усыновить ребенка, а не моя. Ты пришел домой с цветами и духами, дыша коньячными ароматами и предложил мне сделку. Да-да, именно сделку! Ты не хотел потерять меня и купил этой идеей: «Давай усыновим ребеночка, и всем будет хорошо». А что мне оставалось делать? Я тогда была глупа и наивна, никогда не спорила с тобой, если ты помнишь. Это сейчас я уже поняла цену всем твоим словам и поступкам, а тогда я думала, что ты все взвесил, продумал и принял правильное решение. А что оказалось? Ты свою прихоть выполнил, меня удержал, ребенка в дом приволок и свалил его на мою шею!

Виктор Леонидович в очередной раз потерял дар речи. Ну что ему делать, не лупить же Эллу без конца и края, но другого она просто не заслуживала. Сдерживая себя из последних сил, он злобно заявил:

– Ты больна, моя дорогая. Тебе лечиться надо. А Павлика ты больше не увидишь. Я не могу доверить его тебе ни на минуту. И вообще, я отстраняюсь от тебя и от твоей жизни. Делай, что хочешь, рожай, расти своего... даже не знаю, как сказать кого. Но на меня не рассчитывай. Хочешь уйти – скатертью дорога, хочешь остаться, ради бога, но я тебе никто, запомни это! И даже мысли не держи, что я буду отцом твоего ублюдка. Я его уже ненавижу! И от меня он не получит ни гроша, ни помощи, ни поддержки.

– Она, – вдруг спокойно сказала Элла.

– Что?!

– Ты называешь моего ребенка «он», а это она, девочка. Я была сегодня на УЗИ, у меня будет дочь, Кристина.

– Да пошла ты... – Виктор Леонидович недозволенно выругался и вышел из комнаты, резко захлопнув за собой дверь.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Часть вторая. Стивенсы

1

Яркий солнечный свет мягко просачивался сквозь шторы и приятно освещал комнату. Было утро, первое теплое утро, за эту дождливую весну. Вообще погода на юге Англии отличается своей переменчивостью. Никогда не знаешь, чего ожидать. Солнечное утро могло легко смениться на дождливый день и вечер, и наоборот. Но сегодня чувствовалось, что наступило долгожданное тепло.

Дебора открыла глаза и сладко потянулась. Пора было вставать, а так не хотелось покидать теплую уютную постель. И только мысль о солнечном дне заставила ее резко отбросить одеяло и встать. Она подошла к окну, раздвинула шторы и выглянула в сад. День действительно был чудесным, в саду чирикали ранние птички, благоухали нарциссы, которых у них в саду росло невероятное множество, и совсем уже почти начал распускаться большой куст сирени, похожий на пышное дерево.

– Великолепно! – сказала молодая женщина и, накинув халат, пошла в ванную.

Ванная комната была большая, выложенная голубоватым кафелем, и в ней все сверкало от зеркал и никеля. Дебора

придирчиво посмотрела на себя в зеркало.

– Ну что ж, совсем даже неплохо. Но надо сходить в парикмахерскую, – сказала она самой себе и стала принимать душ.

Дебора Стивенс была беременна, они с мужем ждали сына, это уже было известно, и Роберт, муж Деборы, даже придумал для мальчика имя – Ричард. Дебора любила покупать для будущего сынишки необходимые принадлежности. Она посещала специальную школу для молодых мам, где ей советовали что и в каком количестве нужно закупить, учили пеленать, купать и кормить ребенка. Но самое главное следили за моральным состоянием и настроением будущих мам. Дебора была в отличной форме и переносила свою беременность хорошо, она была счастлива и полна ожиданий радости материнства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.